

Чжао Линь быстро восстановил в памяти тот момент, когда впервые услышал звук уведомления системы после того, как оказался в этом теле.

Первый день — это когда Хо Цин чуть не задушил его.

Второй день — когда он, прикрыв Хо Цина собой, рухнул ему в объятия.

После этого он потерял сознание, и вот теперь прозвучал третий сигнал.

Чжао Линь с некоторым возбуждением вызвал систему, чтобы уточнить детали.

— Поздравляю хоста, ответ верный! — отозвалась система.

Черт возьми, сегодня был еще один день, когда хотелось прикончить систему.

— Если ответ верный, то где награда?

— Я могу бесплатно поделиться с хостом информацией о том, как именно происходила регистрация вашего присутствия, пока вы были без сознания.

Это как раз то, что интересовало Чжао Линя. Из его странных снов было нетрудно понять, что у прежнего владельца тела и Хо Цина действительно было какое-то особое прошлое.

Если удастся разгадать эту тайну, возможно, отношения между ними смягчатся, а значит, и выполнение задания пойдет лучше.

— Согласен.

В следующее мгновение сцена перед глазами Чжао Линя сменилась.

Оказалось, что каждый день, пока он был в отключке, Хо Цин дежурил у его постели, а когда никого не было рядом, протягивал руку.

На видении изящная, полная скрытой страсти ладонь охватывала его горло.

Затем следовало резкое сжатие.

Хо Цин держал его до тех пор, пока лицо Чжао Линя не синело и не багровело, пока он почти не задышался, и только тогда разжимал пальцы.

Затем он холодным взглядом наблюдал, как лишившийся чувств Чжао Линь инстинктивно хватается ртом воздух, постепенно приходя в себя.

На следующий день все повторялось.

О господи, что это за разновидность извращенца? Ведь когда он просыпался, Хо Цин всегда притворялся таким близким и заботливым.

Чжао Линя бросило в дрожь. Он ведь только что спас его ценой собственной жизни!

Пусть это было не совсем добровольно, но нормального человека такая сцена должна была тронуть.

Сколько бы ненависти ни накопилось раньше, разве спасение жизни не должно было ее погасить?

Почему же Хо Цин так упорно стремился его убить?

Так чем же все-таки прежний владелец тела так насолил Хо Цину? Чжао Линь был готов вернуться в воспоминания, лишь бы разобраться во всем. Если не решить эту проблему, не ровен час, однажды Хо Цин его прикончит, и тогда о какой карьере может идти речь.

В этот момент система убрала видение, и перед глазами Чжао Линя предстал Хо Цин, который стоял, согнув пальцы, с неловким выражением лица.

Чжао Линь на секунду решил, что тот снова хочет схватить его за горло, и, применив технику экстренного отступления, мгновенно забился в угол кровати.

Осознав нелепость ситуации, он смущенно потер шею.

Хо Цин хотел было объясниться, но Чжао Линь поднял руку, останавливая его:

— Не нужно ничего говорить, я и так все знаю.

— Ты все знаешь? — Хо Цин понимал, что сегодня вел себя несдержанно, но только что Чжао Линь, притворяясь больным и выпрашивая еду, был до боли похож на того, прежнего.

Чжао Линь закрыл глаза, набрался храбрости и принял решение:

— Хо Цин, давай поговорим начистоту.

Хо Цин заинтересовался, придвинул деревянный стул и уверенно на него опустился.

— О чем же император желает поговорить со своим слугой?

Чжао Линь мысленно закатил глаза. Сам он, император, прячется в усадьбе премьер-министра, притворяясь больным, а этот уселся с таким видом, будто он здесь хозяин, и хоть называет себя слугой, но в его осанке нет ни капли смирения.

— Я все вспомнил. Я — Цзин Юй, а Цзин Юй — это я.

Пальцы Хо Цина, лежавшие на коленях, глубоко впились в ткань одежды.

— Как много ты вспомнил?

— Только это. Я был в твоём доме, меня там избили, ты спас меня и даже дал мне имя. Говорил ещё, что я красив, и вместо того чтобы украшать сад, лучше украшать кабинет...

Хо Цин вздохнул:

— Стоило тебе наконец вспомнить, и ты вспомнил только этот вздор?

Чжао Линь быстро ухватился за главное:

— Что значит наконец вспомнить? Я что, забывал?

Ого, между монархом и подданным явно что-то было. В душе Чжао Линя разгорелось пламя сплетника.

Давай же.

Погребенные тайны императорской семьи.

Заполните мою жаждущую сплетен душу!

— Его Величество попал в аварию в пятнадцать лет, повредил голову и забыл о том, что было раньше.

— Пшик... — пламя сплетника погасло.

— И это все? — Чжао Линь не мог поверить.

Хо Цин кивнул:

— Все.

— Тогда почему ты не можешь на меня смотреть и хочешь убить?

Хо Цин промолчал.

— Не хочешь говорить — не надо. Наверняка дело в том, что я бездарный правитель, а ты вершишь правосудие от имени небес.

— Нет.

— Нет? Тогда что? Неужели дело в том, что я якобы в тебя влюблен и преследую тебя?

Он вдруг вспомнил намеки Ли Чуаньсиня.

Лицо Хо Цина помрачнело, взгляд стал ледяным:

— Что, неужели ты снова ударился головой и забыл все, что было после пятнадцати лет?

Черт возьми, неужели это правда?

Но неужели Хо Цин готов убить его из-за такой ерунды?

Все равно что-то здесь не так, должно быть что-то еще.

Однако по виду Хо Цина было ясно, что объясняться он не намерен.

Ладно, в конце концов, он все равно к нему не питает чувств. Сначала нужно прояснить недоразумения, а потом вместе строить карьеру — это важнее.

— Господин премьер-министр, давай договоримся: с сегодняшнего дня я не буду тебя донимать, а ты перестанешь пытаться меня убить. Давай сотрудничать и вместе укреплять государство Великое Шэн, как тебе такое?

Уголок рта Хо Цина дернулся в саркастической усмешке.

— Император пытается взять пустой дом голыми руками? Не докучать подчиненному — это минимум приличий для правителя, а вы сейчас пытаетесь обменять это на власть над страной. Ваше Величество, вы полагаете, что я тоже ударился головой?

У Чжао Линя дернулся глаз — язык у этого человека был ядовит.

— А чего ты хочешь? С твоими нынешними делами одного Ли Тайфу достаточно, чтобы создать проблемы, не говоря уже о Ван Шо. Держать в руках императора — лучше, чем остаться ни с чем.

Разговорившись, Чжао Линь давно забыл о страхе перед удушением. Он сидел на кровати, поджав ноги, словно с соседом по комнате за полночь разговорился.

Однако сосед не стал бы в процессе разговора забираться к нему на кровать и пытаться прижать к матрасу.

Хо Цин, неясно с чего, вдруг поднялся со стула, опустился на одно колено на кровать и, подавшись вперед, навис над Чжао Линем.

Чжао Линь, чьи ноги были скрещены, не мог быстро двинуться и лишь уперся руками в кровать, отклоняясь назад.

Эй, эй, эй! Прежний владелец тела, может, и был бисексуалом, но он сам — самый настоящий натурал!

Эта дистанция... не слишком ли близко?

Ты точно не хочешь, чтобы тебя донимали?

Почему у меня чувство, что это ты меня соблазняешь?

— Хо... Хо Цин, успокойся. Называй свои условия, но только без этих вольностей. У меня на таких, как ты, несварение желудка.

Хо Цин уперся руками по обе стороны от него, его торс почти лег на Чжао Линя.

Он смотрел на него сверху вниз:

— А что, если мое условие — это сам император?

Чжао Линь наконец понял, что такое землетрясение в глазах.

Потому что сейчас его глаза буквально дрожали:

— Хо Цин, ты шутишь, да?

— В такой ситуации, с чего бы мне шутить?

Сказав это, он действительно подался вперед.

Чжао Линь отклонился назад до предела, еще немного — и он бы просто лег.

Видя, что тот действительно собирается поцеловать его, он, не раздумывая, поднял свободную ногу и пнул его.

Хо Цин отлетел с кровати и, приземлившись, пошатнулся.

На лице Чжао Линя читался гнев человека, которого только что облапали. Он среагировал чуть поздно, и губы Хо Цина, кажется, коснулись его собственных.

Проклятье, кто кого в итоге донимает? Разве он не ненавидит его до такой степени, что хочет убить?

Что он сейчас творит? Думает, что раз я в него влюблен, то грех не воспользоваться?

— Хо Цин, я приказываю тебе уйти!

В ночной тишине Хо Цин, стоя спиной к свету свечи, поднял руку и потер тыльной стороной ладони уголок рта.

Неизвестно почему, Чжао Линь почувствовал, что Хо Цин сейчас крайне опасен, словно волк, готовый в любой момент броситься и перегрызть ему горло.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Он все же развернулся и ушел, но у самых дверей остановился.

У Чжао Линя волосы встали дыбом.

— Я обдумаю ваше предложение, Ваше Величество.

Чжао Линь наконец выдохнул, но он не знал, что, выйдя за дверь, Хо Цин обернулся и, словно разговаривая сам с собой, прошептал:

— Душа действительно сменилась, но это не он. Мой Цзин Юй никогда бы мне не отказал.

Сказав это, Хо Цин сменил тоску на недоумение:

— Но почему он вспомнил о Цзин Юе?

Поднялся ночной ветер, обнажив красную ленту в волосах Хо Цина, которая развевалась за его спиной, делая его фигуру в ночи еще более одинокой и отрешенной.

<http://bllate.org/book/21338/2164927>